

Гетеборг город весь серый, или Социологическая ИКЕА
Заметки участника XVII Всемирного социологического конгресса

Гетеборг—город своеобразной цветовой гаммы. Даже в середине июля оттенки серого доминируют в колористической картине этого балтийского порта. Надо думать, туристические каталоги могут предложить вам в Гетеборге самые разнообразные развлечения и достопримечательности по усредненным международным стандартам. Но на поверку все это оказывается неким клоном чего-то инородного для Швеции, ибо во всем господствуют серая цветовая гамма, умеренность, неспешность, можно сказать, вялость. Кажется, шведам мало кто нужен в этом мире, включая и туристов. Вполне самодостаточное общество. Таким, по крайней мере, оно предстает по внешнему ходу.

В этом смысле лучшего места для проведения конгресса нельзя было и придумать. За пределами конгресс-холлов и аудиторий, в сущности, и делать было нечего, что в немалой степени разочаровало немалочисленных поклонников научного туризма, раз за разом использующих десять дней очередного конгресса для пополнения своих представлений о географии и истории дальних территорий.

Можно и дальше продолжить эту мысль. Атмосфера конгресса в Гетеборге—это спокойствие, усредненность, отсутствие захватывающих дух интеллектуальных взлетов и падений. Все по правилам, все по стандарту, все не дорого и не дешево, все предельно функционально¹. Короче, ИКЕА в чистом виде. Вроде бы на мировой слет социологов собрались почти все значимые фигуры, всем им было предоставлено слово, но они перераспределили свои силы явно не в пользу Гетеборга. В этой минусовой картине есть и свои заметные плюсы. Во-первых, отдельные яркие выступления во многом получились столь яркими и запоминающимися на остальном неярком фоне. Во-вторых, отсутствие внутренней и внешней драматургии позволило более детально присмотреться к лицу всей современной социологии. Интриги не было, зато получилась замечательная статика.

¹ Даже традиционная сумка, входящая в оргпакет участника конгресса, на этот раз предстала в виде дешевой тряпично-матерчатой торбы неопределенной формы. Как никак на дворе экономический кризис. И, кроме того, во всем в Швеции господствует принцип «умеренности и осторожности».

По поводу организации конгресса, или о принципе “control through non-human technologies”

Казалось бы, это не главный вопрос: как конгресс организован. Но, тем не менее, с технической организации конгресс начинается задолго до своего фактического открытия, и от уровня организации зависит весьма многое. На этот раз (по сравнению с предыдущими конгрессами в Дурбане, Брисбейне, Монреале, Билифельде) машина электронной регистрации и обработки заявок и тезисов не давала заметных сбоев. Вроде бы все шло по накатанной. Правда, время от времени на Интернет-сайте конгресса воцарялась неразбериха в отношении того, где и как докладчики могли найти себя в программе конгресса. И потому в одних случаях докладчик (помимо своей воли) дублировался с одним и тем же докладом в разных секциях, а в других случаях начисто исчезал из программы конгресса, и ни одна сила не была в состоянии его туда вернуть. Пробить стену сопротивляющейся компьютерной технологии, впавшей в порочный круг негативного ответа, не представлялось возможным. В конце концов, компьютер не способен к сопереживанию.

Это лишний раз подтверждало неовеберианский принцип «макдональдизации», предложенный Дж.Рицером—*control through non-human technologies*. В самом деле, воцарившиеся повсеместно компьютерные технологии начинают постепенно забирать под свою власть все процессы, что лишний раз и продемонстрировал конгресс в Гетеборге уже на своей начальной стадии.

Но вот пример прямо противоположного свойства.

Упомянутый выше Джордж Рицер, один из докладчиков на пленарном заседании, за два дня до своего выступления был вынужден выехать в Нью-Йорк по неотложным семейным делам. Дабы не ослабить композицию сессии, ее руководитель попытался организовать на пленарном заседании онлайн телемост с Рицером, находившимся уже по ту сторону океана, мол, в наши дни физическая точка нахождения человека не столь важная, важно его онлайн присутствие в киберпространстве в означенное «реальное» время. Все это так хорошо звучит в теории. На практике же администрация великолепно оснащенного гетеборгского конгресс-центра под разного рода благовидными предложениями отказала в этой, в общем-то элементарной по нынешним меркам, услуге. Но любопытно другое. Сама просьба оперативно использовать телемост вызывала святое недоумение на всех уровнях шведского национального оргкомитета и самой Международной социологической ассоциации (МСА). Об онлайн коммуникациях они что-то слышали, но где и когда, сказать трудно.

Это частный пример иллюстрирует один весьма настораживающий факт. Современная социология, сделавшая еще со времен Маршалла Маклюэна столь много для опережающего

воссоздания картины информационного и коммуникативного общества, в своей повсеместной инфокоммуникативной практике весьма архаична. И прогресса пока не предвидится. Уже после конгресса новый президент МСА Майкл Буравой в своем программном послании к Исполкому вроде бы принялся говорить о необходимости включения МСА в среду «медиа». Но выяснилось, что на поверку речь идет всего лишь о новом электронном журнале (компьютерном аналоге печатного органа)—и Интернет-сайте *University in Crisis*. Признаемся, все это довольно древнее *déjà vu*.

Но от диагноза необходимо переходить и к лечению. В этом смысле МСА, дабы сохраниться на плаву в мировом информационно-коммуникационном пространстве (и вообще в пространстве), предстоит в ближайшее четырехлетие и с перспективой следующего конгресса в Йокохаме решительно перейти в современные форматы медиа—будь то онлайн сетевые образовательные сообщества, спутниковый ТВ-канал, вещающий на различные континенты, превращение всемирного конгресса в постоянно действующее и полностью онлайн мероприятие мирового масштаба и многое другое. По отдельным компонентам все это имеется, тестируется и даже работает в тех или иных университетах, но пребывает в свернутом виде. Кому, как не МСА, быть лидером в этом направлении. Тем более, что инфокоммуникационная революция, разворачивающаяся на наших глазах, но, увы, без участия мирового социологического сообщества, не будет до бесконечности приглашать социологов стать членами информационного клуба. Неравен час двери и закроются.

Книжный рынок: конец с продолжением?

Помимо всего прочего каждый всемирный социологический конгресс—это и впечатляющий рынок социологической литературы. Все мировые издательства-мастодонты (*Sage, Blackwell, Oxford University Press*) и десятки более мелких университетских и частных издательств привозят и выставляют свою продукцию в специально отведенной зоне. Обычно выставки-продажи социологической литературы впечатляют посетителя сами по себе. Это толпы участников конгресса, жаждущих прикоснуться к новейшим издательским шедеврам, порой поучаствовать в презентации новых книг (с неизменным угощением по этому поводу), иногда получить бесплатный экземпляр книги или журнала (или проспект, на худой конец), обсудить свои возможные проекты с потенциальным издателем и заручиться его поддержкой в этом смысле.

Так было всегда прежде. Но в Гетеборге случилось все по-новому. Праздник социологической литературы фактически отсутствовал. Формально основные издательские группы открыли свои стенды. Но на них зияли пустотой целые полки—ничего было выставлять.

Стендисты в основном прогуливались в каких-то иных местах, оставляя на прилавках горы бедно изданных листовок, заменивших буклеты. Да и числом своим приехавшие издательства настолько поредели, что это рождало немой вопрос: а что, собственно говоря, произошло?

Дружеские беседы с заинтересованными лицами и экспертами отчасти прояснили картину. Во-первых, продолжающийся экономический кризис нанес весьма ощутимый удар по научным издательствам. Их продукцию просто никто не покупает. И что не покупается, то и не продается (и не производится)—таков закон рынка и в этой академической сфере. Во-вторых, и, возможно, это главное, печатная продукция обвалью уступила свое место электронным носителям и онлайн депозитариям научных текстов. Все уважающие себя социологические журналы вложились в свои онлайн версии и там реализуют свои проекты. Журналы и книги в традиционном формате превращаются в артефакты, служащие украшению богатых библиотек и кабинетов профессоров (не всех, разумеется). Научная книга как источник массового социологического знания уходит в тираж, то есть самоуничтожается. Университетские библиотеки, традиционно бывшие главным потребителем издательской продукции, тоже подсократили свои аппетиты и ушли в виртуал. И если этот процесс еще не завершился в полной мере, то, судя по всему, финальные аккорды не за горами.

Стоит ли оплакивать социологическую книгу как традицию и жанр? Трудно сказать. А стоит ли оплакивать все остальное: живой драматический театр, фигуративную живопись, художественную литературу как таковую, наконец, хорошее доброе университетское образование? Все это звенья одной цепи, а именно радикального изменения культурного ландшафта нашей современности. Так стоит ли оплакивать ту самую современность, к которой принадлежим? Вопрос чисто философский и, во всяком случае, риторический.

Конгресс: ключевые понятия

Да, берусь утверждать, конгресс проходил в формате ИКЕА—скромно и со вкусом (шведским). И, тем не менее, как минимум два удара колокола-набата разрушили эту серую гамму и поставили на дыбы социологическое сообщество.

Первый—это *инвайронментальная тематика*, отношение общества и окружающей природной среды, социальная экология. Теперь это получило и свое опознавательное понятие—*climate change*. Нельзя сказать, что прежде эти темы не звучали в исследовательских комитетах МСА и на конгрессах. Но это звучание было приглушенным, а тема окружающей среды рассматривалась наряду со всеми другими. В Гетеборге она стала главной и определяющей. И, думается, отныне такой и останется. Не только конгресс открылся выступлением проф. Yuan-Tseh Lee, нобелевского лауреата из Тайваня, посвященным ближайшим и конечным угрозам человечеству со стороны природной среды, но практически во всех значимых докладах, произнесенных на съезде, экологический кризис современного общества присутствовал в качестве само собой разумеющейся и осмысливаемой константы.

В связи с этим напрашиваются несколько выводов.

Судя по всему, в *любом* социальном анализе и моделировании *чего-либо* экологическая составляющая отныне сравнилась по своей значимости с такими составляющими как экономика, политика и культура. Теперь мы имеем не триумвират факторов, а взаимообусловленную комбинацию четырех. Можно сказать, конгресс в Гетеборге узаконил эту ситуацию и сделал ее абсолютно нормативной. Иное соображение в этой связи подсказывает, что социологическое образование должно (прямо-таки и именно *должно!*) реагировать на этот меседж мировой социологии.

Исходя из сказанного, я бы осмелился дать конгрессу в Гетеборге подзаголовок—Конгресс социального инвайронментализма.

Вторая тема или, если угодно, второе послание-набат конгресса касалось кризиса, охватившего современный мир. Здесь тоже обнаружили себя различного рода нюансы. Начнем с того, о каком кризисе шла речь. В основных пленарных докладах недвусмысленно прозвучала идея: современный кризис не есть кризис финансовый только лишь и, уж во всяком случае, ипотечный. Это кризис практически всех оснований западного, а потому и мирового сообщества. Маргарет Арчер, первая леди современной социологии, недвусмысленно указала на концепцию экономического человека. Именно он, наш родной и любимый экономический человек, столь хорошо знакомый на близком расстоянии, и есть источник этого кризиса, мол, оптимизация прибыли не выдерживает исторической миссии регулирования и балансировки сообществ в современных условиях. Конечно, мировая социология всегда была равнодушна к

социал-демократической альтернативе, что тут говорить, но уж больно расширился и набрал в весе круг критиков современного капитализма—это бесспорно. Притом со стороны отнюдь не леваков, а вполне умеренных социологов. В этом смысле упреки в адрес социологии в том, что слишком поздно она включилась в обсуждение кризиса, теряют свою основную убедительность. Коль скоро кризис не есть только лишь финансовый кризис, а сотрясение основ Запада, то социология медленно запрягает, да быстро едет.

В этом алармистском ключе, так или иначе, звучали выступления почти всех грандов социологии, представленных на конгрессе. Манюэль Кастельс, достаточно спокойный и не вспыльчивый мыслитель, анонсируя свою новую, пока еще не опубликованную книгу «Сетевые войны» (“Net Wars”) нарисовал апокалипсическую картину распространения войны (а не просто «конфликта» или «столкновения-clash» как у С.Хантингтона) по всем сетям и на всех уровнях—от семьи до мега-держав и мировой системы в целом. Мол, «война» уже идет в сетях, она тихо входит в дома и семьи, проникает в бизнес, политику, СМИ, образование и т.д. Микро-конфликты как ручейки вливаются в большие реки неуспокоенности, социального раздражения и кризиса ценностей. Иногда война как протуберанцем вспыхивает вооруженным конфликтом, но в основном все происходит внутри, под поверхностью. Когда выйдет в свет книга М.Кастельса, ее можно и нужно будет обсуждать. А пока лишь зафиксируем общее впечатление: было бы трудно предположить более алармистское выступление от одного из наиболее уважаемых современных социологов. Глядя на М.Кастельса, спокойно выступающего с трибуны или улыбочиво позирующего фотографам в группе российских социологов в кулуарах конгресса, понимаешь, что мрачноватый алармизм социолога не есть проблема его личностного психологического состояния (что можно было бы принять во внимание в рамках анализа его субъективности), но, напротив, это взвешенная и продуманная макро-социологическая экспертиза теоретического уровня, и от этого становится еще более не по себе.

Джон Урри и другие

Джона Урри нет смысла представлять каким-то особым образом. Кто не знает его известнейших книг по туризму, мобильностям, социологии за пределами общества. Короче, один из столпов социального знания наших дней и, кто знает, разворачивающейся исторической перспективы.

Урри заявил свой доклад о так называемом «посткарбонном обществе». С ним в паре, но по самостоятельной теме выступал В.И.Ильин из Санкт-Петербургского университета.

На этой сессии произошел редкостный аншлаг. Желавшие выслушать докладчиков не только заполнили все свободные места, но и шпалерами лежали на полу, выстланном ковровином. Выглядел подобный энтузиазм весьма живописно и даже духоподъемно в икеевской Швеции. Но в преддверии начала сессии появились местные пожарные и так породному, по-русски заблокировали сессию, мол, вместимость аудитории превышена в два раза, «не положено!». Всеми правдами и неправдами с пожарными договорились, и заседание началось. И извечно и абсолютно невозмутимый Урри получил возможность сделать свое послание городу и миру. И, надо сказать, без всякой иронии доклад был обращен и городу, и миру. Так получилось.

Под нейтральным и бесстрастным заглавием («Системы и их будущее») развернулся эпический рассказ о том, что будет с нашим миром в не столь отдаленном будущем. Коль скоро многочисленные и постоянное множась интерфейсы порождают все новые и новые взаимодействия систем и подсистем, социальные системы переходят в непредсказуемый режим трансформаций. Двадцатый век был основан на нефти («карбонное общество») и металлических средствах передвижения («автомобиль»). Это обеспечивало, с одной стороны, физическую/географическую мобильность и создало условия для мобильности виртуальной—различных форм дистантных контактов и сетей общения. В наши дни все это расцвело гипермобильностью населения, включая мобильность в коммуникативных сетях. Но покинуть карбонную цивилизацию наши сообщества не смогут. И потому всем нам придется осознавать себя живущими в условиях сокращения основного ресурса—углеводородов. (Альтернативные виды энергетики, по мысли Дж.Урри, не смогут стать полноценной заменой углеводородов.) Таким образом, «будущее систем» видится английскому социологу весьма характерно: постепенно истощающийся основной ресурс, что приводит к примитивизации жизни. Не прекрасные города будущего, отделяющие себя от внешней среды климатронами, а бугенвилльские поселки, построенные из остатков древесины и картона, опоясывающие деградирующие мегаполисы.

Весьма интересным продолжением доклада Дж.Урри стало выступление профессора В.И.Ильина из Санкт-Петербургского университета. В.И.Ильин анализировал повседневные практики бытового креатива в условиях кризиса (в том числе и ресурсного). И вновь был поднят вопрос о возрождении примитивных форм выживания и экономии. По мысли Ильина, это и домашнее шитье, и домашняя кулинария, и обработка приусадебных участков и пр. Все эти «мелочи жизни» предстали в виде достаточно монументальной реакции общества на нынешний и, главным образом, будущий кризис. Траектория будущего это не только и не столько усложнение систем, сколько их примитивизация.

Стоит ли говорить, что оба доклада вызвали шквал вопросов и стали генератором спонтанной дискуссии прямо в зале заседаний.

Новый/старый социологический дискурс

Не секрет, что попасть в число участников конгресса с правом голоса и выступления не просто. Разного рода фильтры выделяют не столько лучших, сколько соответствующих профессиональным стандартам. Такова традиция и таковы правила. Однако заметные изменения в этих стандартах заявили о себе на конгрессе в Гетеборге.

Согласно традиционно-базовым представлениям социология в любом случае есть аналитика, то есть раскрытие внутреннего содержания социальных явлений в соответствии с существующими научными понятиями и принципами. Все так, да не так.

В многих секциях конгресса возобладала некая иная линия. Условно назовем ее широким *квазисоциологическим дискурсом* без определенных границ. Докладчики «рассказывают» о своих видениях своего объекта восприятия, своих ощущениях в связи с ним и, безусловно, своем мнении в отношении того, что хорошо или плохо в этом объекте и как надо ему развиваться. Более всего для определения этого подхода можно использовать термин внеаналитический *нарратив по* принципу *tell me something about anything*. Это своеобразная социология без ясно очерченных дисциплинарных границ, в которой любое высказывание о социальной реальности уже по умолчанию есть социология.

Более всего демонстрируют этот нарратив молодые социологи аспирантского уровня, представляющие региональные университеты развивающихся стран. И делают они это без страха и упрёка. Видимо, их так научили, и других способов делать социологию они не знают. В связи с данной тенденцией возникает вопрос: это временное явление переходного характера или долговременный тренд? Не идет ли речь о некоем новом состоянии социологического дискурса, в котором нарративная внеаналитическая позиция будет окончательно канонизирована? И еще более широко: не есть ли это постглобализированная социология, принявшая и вобравшая в себя волны молодых социологий указанных регионов, но при этом переходящая на позиции, существенно отличные от классических?

Вопросы эти отнюдь не риторические. Ближайшее четырехлетие (раз в четыре года проходят всемирные конгрессы социологии) должно показать будет ли и не будет реализована эта перспектива.

Выбор без выбора?

Всемирный конгресс это и выборы на очередные четыре года президента Международной социологической ассоциации, членов Исполнительного комитета, Программного комитета. Словом, небольшая коррида в мировом социологическом масштабе.

На этот раз выборы президента заключали в себе любопытную интригу. Задолго до конгресса стало ясно: на пост президента будет претендовать Майкл Буравой. Почему стало ясно? Да просто неумная энергия известного социолога была полностью и точно сфокусирована на мобилизацию всех национальных ассоциаций и исследовательских комитетов в перспективе главной цели—избрание. М.Буравой за четыре предшествующих конгрессу года объездил все страны и веси, организовал конгрессы МСА в Тайпее (Тайвань), выступал с различного рода инициативами (например, сайт *University in Crisis*), выступал в качестве докладчика на ведущих конференциях (например, на Европейской конференции ЕСА в Лиссабоне). Все это делалось с большой энергией, напором и хорошо продуманными заходами. Надо сказать, подобная активность далеко выходила за рамки традиционной и нормативной активности вице-президента МСА. То есть избирательная кампания началась давно и велась по всем правилам политических кампаний, но в приложении к академическому сообществу. Это, само по себе, было любопытно.

Соперником М.Буравого выступила Элиса Рейс из Бразилии—весьма известный и уважаемый профессор Университета Рио-де-Жанейро, в свое время возглавлявшая комитет МСА по социологической теории.

Пикантность ситуации состояла и в том, что американское прошлое и настоящее Майкла Буравого, по общему мнению, было очевидным минусом его кандидатуры в международном сообществе социологов с доминированием не проамериканских настроений, в том числе и в социологии. (Само по себе, это представляется мне несколько странным. В конце концов, именно академический потенциал, по идее, должен доминировать над всем остальным, а не национальная принадлежность. Но это только «по идее».)

В этом смысле Элиса Рейс из Бразилии имела неплохие шансы побороться с М.Буравым на равных. Тем более что она представляла социологическое сообщества самой мощной латиноамериканской страны, в которой в абсолютных цифрах социологов больше, чем в США. Но свои шансы она реализовала не в полной мере. Она восприняла свою задачу исключительно в академическом ключе, мол, опубликовать заявление о намерениях и список публикаций. Все остальное и так ясно.

Выборы, состоявшиеся в Гетеборге, на мой взгляд, с очевидностью продемонстрировали, что и в социологическом сообществе срабатывают избирательные технологии, воплощением

которых стал Майкл Буравой. Основанная им т.н. «публичная социология» и стала самым действенным инструментом решения избирательной задачи. Бесконечная публичность и мобильность, яркость и сценичность выступлений, инструментарий, заимствованный в СМИ— все это сработало на все сто процентов. И хотя, безусловно, мировой научный авторитет Буравого не подвергается никакому сомнению, но именно ориентация на публичность обеспечила ему триумф.

Майкл Буравой. Президент МСА 2010-2014 «Глас публичной социологии» (Фото: Н.Покровский)

Триумф, кстати сказать, чего или в каком смысле?

Думается, прежде всего, политический. Судя по всему, М.Буравой последовательно и успешно проводит в жизнь концепцию перманентной революции в социологии, подразумевающей, что ядро и энергия («энергетика») современной социологии находятся на периферии традиционных и исторически сложившихся центров генерации и распространения социологического знания. В рамках этой концепции МСА играет важную роль в качестве авторитетного форума всех социологий мира, на котором партию первых скрипок, по мысли, М.Буравого, призваны сыграть новые исполнители. Да и сама партитура социологии, естественно, существенно видоизменяется. Ее научно-академическая миссия уступает миссии публично-преобразовательно-конструктивистской. Четко по одиннадцатому тезису о Фейербахе, но в применении к социологии. Все это очень интересно и важно. Как на это

отреагирует все мировое социологическое сообщество? Коснется ли это только МСА или более широких сфер институализированной социологии? Ближайшие годы станут ответом на поставленные вопросы.

Стоит ли удивляться тому, что по своему внутреннему смыслу избирательный процесс в Гетеборге носил отчасти политизированный характер, ибо переориентация социологии—задача не столько академическая, сколько конструктивистски-политическая. В какой степени это осознавали голосовавшие участники конгресса? Сказать трудно. Сам М.Буравой, надо полагать, для себя (и не только) четко формулировал цели и задачи. Остальные участники находились на различных этапах осознания.

* * *

Конгресс, как принято говорить, уже стал достоянием истории. Оценить его несколькими словами невозможно, ибо он—отражение (и достаточно адекватное) положения социологии в современном обществе, вернее, в современных обществах. В любом случае, конгресс заставил задуматься о том, что в науке за «лесом» частных задач существует большие стратегические направления. Возможно, в этой отрезвляющей функции и было его основная не декларируемая задача. И с ней он справился, на мой взгляд, вполне.